А.Н.Ужанков

"ЛЕТОПИСЕЦ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО": ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА

Как показали наши предыдущие разыскания /27.247-283/, "Летописец Даниила Галицкого" был изначально задуман как жизнеописание Галицко-Волынского князя Даниила Романовича без характерного для летописей изложения событий по годам. Работа над ним велась во второй половине I246 г. и сочинение было доведено до событий начала I247 г. /27.26I-274/. После этого в работе над "Летописцем" наступил, как минимум, I6-летний перерыв[I], и заканчивал его, видимо, уже другой автор в середине 60-х годов, после смерти Даниила Романовича /27. 274-282/.

Почему же первый биограф Галицкого князя, начавший /задумавший ?/ "Летописец", не смог проследить и описать жизнь Даниила Романовича до конца и был вынужден оставить незавершенным свой труд?

[I] В дополнение к приведенным в нашей предыдущей статье доказательствам, прибавлю еще один. Автор первой редакции "Летописца", описывая события сентября I2I3 г. /Ипат. лет. - I209 г./, упоминает шурина венгерского короля Андрея П, Бертольда, называя его аквилейским патриархом и ничего не сообщает о его смерти. Бертольд, младший брат Гертруды Меранской, жены Андрея П, стал аквилейским патриархом только в I2I8 г., а умер в I25I/2/ г. /I.I9. прим.3 к I2I0 г./. То есть, во время работы над "Летописцем" автор знал о его поставлении в патриархи г.Аквилея /Италия/, но не знал о его кончине, иначе не проминул бы об этом сказать, как неоднократно поступал в случае с Елизаветой, Филей и другими.

Ответить на этот вопрос, значит не только указать на причины прекращения его деятельности в Галицко-Волынском княжестве /27.274/, но и назвать его имя.

I.

Первая редакция "Летописца" заканчивается подробным описанием под 1250 г. поездки князя Даниила Галицкого в Орду к хану Батыю и рядом сообщений, тесно связанных тематически с предыдущим повествованием.

Так, например, в сообщении под 1250 г. о визите к Даниилу Романовичу посла венгерского короля Белы по поводу бракосочетания дочери Белы и сына Даниила Романовича, "Летописец" упоминает о более ранней, неудавшейся попытке этого союза, предприянятой самим князем Даниилом: "...глаголу его не уя веры, древле бо того изменилъ бе /подчеркнуто мной - А.У./, обещавъ дати дщерь свою" /21.809/, о чем зафиксировано в "Летописце" под 1240 г. /21.787/. В целом же эта тема находит свое завершение в заключительных словах первой редакции "Летописца" о поездке князя Даниила Романовича и его сына Льва в Венгрию и женитьбе Льва на Констанции.

Логически закономерным кажется и сообщение, находящееся рядом, о поездке на утверждение в Никею к патриарху митрополита Кирилла, о котором ранее сообщалось под 1241 и 1243 годами.

Таким образом, автор первой редакции "Летописца" завершил в заключительной части все затронутые ранее темы, то есть, сам сумел полностью выполнить задачу своего труда - рассказал о жизненном пути князя Даниила Романовича до начала 1247 г., времени его работы над "Летописцем".

Закономерно предположить, что коль работа над этой частью "Летописца" велась в конце 1246 - начале 1247 гг. описанием современных автору событий, то среди них есть и такие, участником или очевидцем которых мог быть сам автор, и это нашло отражение в самом тексте.

В таком случае, не поможет ли текст "Летописца", в особенности же его завершающая часть, установить имя этого автора?

Обратимся с этой целью к насыщенному подробностями описанию поездки князя Даниила в Орду.

До сих пор эта небольшая повесть /повестью ее называют за определенную сюжетную завершенность/ не была предметом специального рассмотрения, хотя отдельные суждения по ее поводу высказывались М.Д.Приселковым /24/, Л.В.Черепниным /29/, Д.С.Лихачевым /II/, В.Т.Пашуто/I9/

Исследователи отмечали, что написана она, скорее всего, участником поездки.

Это обстоятельство весьма существенно для нас, поскольку, как мы выяснили /27.26I-274/, вся первая редакция "Летописца", включая и описание поездки князя Даниила в Орду, написана одним человеком.[2] Стало быть, автор первой редакции "Летописца" сопровождал Даниила во время его поездки и был, скорее всего, лицом духовным. В этом убеждает детальный анализ описания путешествия Галицкого князя в Орду.

Поводом к поездке князя Даниила к Батыю послужило требование монголо-татарского хана Могучего /Могучия/ отдать Галич, высказанное его послом к князьям Даниилу и Васильку осенью I245 г. /Ипат.лет. - I250/. Даниил Романович не захотел отдавать "полу /половину/ отчины своей" и, посоветовавшись с братом, сам поехал к Батыю за ярлыком на княжение.[3]

---

[2] Поэтому мы не можем согласиться с замечанием В.Т.Пашуто /I9.86/ что эта повесть носила самостоятельный характер и позднее была обработана редактором, тем более, что это замечание не подкреплено какими-либо доказательствами.

[3] Нужно отметить, что многие русские князья к тому времени уже побывали в ставке Батыя и получили уже ярлыки на свои княжества. Даниил Галицкий поехал одним из последних, что нашло отражение и в тексте его беседы с Батыем.

По пути Галицкий князь заехал в Киев, в Выдубицкий монастырь, "и рекъ игоуменоу и всеи братьи, да створять молитвоу о немь. И бысть тако и ... изииде из манастыря въ лодьи, видя бедоу страшьноу и грозноу". /21.806/.

По воде он пришел к Переяславлю, где его встретили татары хана Куремсы:"И виде, яко несть в нихъ дорба ... нача болми скорбети душею ..."

От Куремсы Галицкий князь направился к Батыю на Волгу, в его столицу Сарай. Здесь князя встретил человек новгородского князя Ярослава Всеволодовича - отца Александра Невского - Соногур и предупредил о необходимости клянятъся по языческим обычаям кусту - обряд, унижающий достоинство христианина. К счастью для Даниила, чаша сия его минула. Батый вызвал русского князя и между ними состоялся известный диалог:"Данило, чему еси давно не пришелъ? А ныне оже еси пришелъ а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылии коумоузъ? ... Доселе есмь не пилъ, - ответил Даниил, - ныне же ты велишь - пью. Ты оуже нашь же, тотаринъ. Пии наше питье..."/21.807/.

Выпив и поклонившись Батыю, Даниил пошел поприветствовать великую ханшу Баракчинову.[4] После чего Даниилу принесли вино:"Не обыкли пити молока, пии вино"/21.807/.

---

4 Баракчинова /Буракчин, Борахджин/ была первой /старшей/ женой великого хана Монгольской империи Угедея /третьего сына Чингисхана/, умершего II декабря I24I г. Однако, после смерти Угедея власть в Каракоруме захватила его вторая жена - Туракина /Торегене/, в результате чего Баракчинова вынуждена была спасаться в Сарае, у своего племянника Батыя, который враждовал с Туракиной, не признавая ее фактической власти, длившейся пять лет до избрания на курултае в августе I246 г. великим ханом ее сына Куюка /Гуюка/. Батый, будучи внуком Чингисхана от его первого сына Джучи, то есть, старшим в роду, сам

В принципе, автор отметил проявление уважения к князю Даниилу со стороны татар - угощение молоком с последующей заменой его, из внимания к князю, вином. Но подчеркнул эту деталь автор лишь затем, чтобы высказать свое отношение к "чести татарской":" О злее зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшоу великоу, обладаю... Роускою землею, Кыевомъ и Володимиромъ и Галичемъ со братомъ си, инеми странами /здесь - областями - А.У./, ныне седить на коленоу и холопомъ называеться! И дани хотять, живота не чаеть. И грозы приходять". /21.807-808/.

Обилие приведенных в повести подробностей действительно дает возможность видеть в авторе участника поездки. Точно им указана дата прибытия князя Даниила в Киев - в день праздника святого Дмитрия Солунского - 26.X.1245 г.. Подробно описано пребывание князя в Киеве, с указанием даже такой детали, как "изииде из манастыря въ лодьи". По имени назван приходивший к Даниилу человек князя Ярослава - Сонгур. Точно передан его разговор с Даниилом Романовичем и начальная

претендовал на великоханскую власть в Каракоруме, и поэтому не принес присягу Куюку, который даже выступил в 1248 г. против Батыя, но умер в походе /I.39. прим.I; I.47. прим.7/. Вражда между Батыем и Туракиной-Куюком сказалась, видимо, и на судьбе Ярослава Всеволодовича, который, получив от Батыя великокняжеский ярлык на Владимиро-Суздальское княжество, летом 1246 г. поехал утверждать его в Каракорум, и был отравлен 30 августа, вскоре после избрания Куюка, самой Туракиной, не пожелавшей утверждения князя Ярослава, как сарайского ставленника. /20.91/. Забегая вперед, отметим, что Даниил Галицкий, получив ярлык от Батыя, не утверждал его в Каракоруме. К этому факту мы еще вернемся ниже.

беседа Галицкого князя и ордынского правителя. Если бы ее запись воспроизводилась со слов Даниила, то он, надо полагать, больше внимания уделил бы самим переговорам с Батыем и их результатам, а не ограничился бы передачей одного диалога при их первой встрече, для целей поездки не главного, но свидетелем которого вполне мог быть сам создатель повести. Автор сообщает и точное количество дней пребывания Даниила Романовича в Орде - 25.

Свидетельством того, что описание было произведено лицом духовным, может служить противопоставление христианской религии языческой /татарской/, с соответствующим осуждением ее "скверной прелести", акцентированием внимания на передаче внутренних переживаний христианина, вынужденного соблюдать языческие обычаи и, тем самым, предавать свою веру. Кстати, это самый насыщенный христанской идеологией рассказ из всего "Летописца".

Автор обращает внимание, что Даниил Романович отправляется в поездку "помолившись Богу" и на праздник Дмитрия Солунского приезжает в Киев, где посещает Выдубицкий монастырь, просит монашескую братию и игумена молиться за него. Подчеркивается получение Даниилом милости Божьей - заступничества во время поездки:"... избавленъ бысть Богомъ и злого их бешения и кудешьства". И только в результате покровительства Божьего вернулся невредим в землю свою.

Автор подчеркивает уважительное отношение князя Даниила к духовенству, его христианскую добродетель: Даниил отправляется в трудный путь "падъ пред архистратигомъ Михаиломъ".

Да и сам автор не меньше князя был потрясен увиденным. Сам глубоко пережил эту унижающую достоинство поездку в Орду, вспомнил в трудную годину убиенных Михаила и Федора Черниговских, которые "венець прияста мученичскыи", и описал не столько чувства князя, сколько свои собственные, и выразил свое собственное отношение к увиденному и пережитому.

Для нас очень важен итог поездки:"Бывшоу же князю оу них днии 20 и 5, отпущенъ бысть, и пороучена бысть земля его емоу, иже беаху с нимъ"/21.808/.

Существует несколько переводов этой фразы:

"Пробыл князь у них двадцать пять дней, был отпущен, и поручена была ему земля, которая у него была." /18.315/.

"Пробыл князь у них двадцать пять дней, был отпущен, и поручена была ему его земля, которая была у него "/3.277/.

"Пробув же князь у них днIв двадцать I п'ять, /а тодI/ одпущений був /Із тими/, що були з ним, I поручена була земля його йому"/I.47; I0.406/.

Как можно заметить из разночтений, перевод конца фразы не точен. "Беаху с нимъ" точнее переводится как "была /был/ с ним". Но Даниил не мог взять с собою свою землю. Весь смысл концовки заключен в прилагательном "иже". "Словарь русского языка XI-ХУП вв" предлагает два перевода этого слова. Один из них и использовали переводчики - "который /которая". Второй перевод гласит: "иже" - "тот, кто". Словарь приводит даже наше словосочетание "иже с нимъ" - "который с ним" /26.2.90/, то есть, интересующий нас конец фразы переводится дословно "тот, кто был с ним", а в контексте - "и поручена была его земля ему /т.е. князю Даниилу/ и тому, кто был с ним".

Но кто мог претендовать на Галицко-Волынские земли наравне с князем Даниилом Романовичем? И кому они могли быть поручены именно во время этой поездки? Брату Васильку Романовичу, князю Волынскому? Но как свидетельствует "Летописец" Василько Романович в Орду не ездил, а наоборот встречал своего брата по возвращении. Тогда кому же? И почему автор первой редакции "Летописца" сохранил его инкогнито?

Чтобы получить ответы на эти вопросы нам необходимо вернуться в Киевскую и Галицкую Русь на несколько лет назад.

В I237 г. из Византии прибыл новый митрополит Киевский и всей

Руси Иосиф, судьба которого быстро затерялась в трагической судьбе Руси. После разрушения в I240 г. монголо-татарами Киева, о нем отсутствуют какие-либо известия. Скорее всего, незадолго до этого он покинул Русь, и с I240 г. митрополичья кафедра была свободной.

К этому времени Даниил Галицкий был, пожалуй, одним из самых могущественных русских князей, "держащим" через своего тясяцкого Демьяна Киев. Выдвижение новых церковных иерархов, видимо, не обходилось без его согласия. Об этом свидетельствует факт смещения Даниилом Угровского епископа Иоасафа, самовольно захватившего освободившийся в I240 г. митрополичий престол, и перенесение епископии из Угровска в новую столицу Галицко-Волынского княжества Холм.

Перенесение епископской кафедры в Холм и назначение нового епископа Ивана произошло в I24I году, после возвращения Даниила из поездки в Венгрию и Польшу.

В следующем I242 г., услышав о возвращении из Венгрии Батыя, Даниил уезжает из Холма к своему брату Васильку во Владимир "поима с собою Коурила митрополита"/2I.794/. Это первое упоминание имени нового русского митрополита. Избрание кандидата на митрополичий пост произошло, стало быть, до возвращения Батыя из Европы, то есть не позднее первой половины I242 года. Однако, как свидетельствует "Летописец", на утверждение в должности патриархом Кирилл отправился только спустя 4 года - осенью-зимой I246 г., после возвращения Даниила Романовича из Орды:"Коурилъ бо митрополитъ идяше посланъ Даниломъ ... на поставление митрополье Роуской"/2I.809/.

Почему тогда Кирилл назван митрополитом ранее, чем был поставлен в Никее? Это единственный, отмеченный в истории русской церкви случай Два предыдущих митрополита из русских - Иларион в I05I г. и Климент Смолятич в II46 г. названы митрополитами только после поставления их собором русских епископов, кстати, без упоминания об их патриаршем

утверждении. Случай же с Кириллом совершенно иной. Его назвали митрополитом задолго до поставления патриархом.

Задержка в официальном поставлении русского митрополита вызвана конечно же, не только отсутствием в 1240-1243 годах в Византии патриарха, но и событиями в самой Руси: уже упомянутым выше противоборством Черниговского князя Михаила Всеволодовича и Даниила Романовича, князя Галицкого, причем не только военным, но и церковно-политическим. И здесь на память сразу приходят сообщения "Летописца" под 1241 годом о поддержке Ростислава Михайловича галицким и перемышльским епископами в борьбе с Даниилом Романовичем, в последствии поплатившимися за это кафедрами.

После неожиданного освобождения митрополичьей кафедры, князь Михаил назвал "архиепископом Руси" своего ставленника - игумена Киевского монастыря Спаса на Берестове Петра Акеровича /здесь необходимо напомнить, что до Даниила и после него Киев находился во владении Михаила Черниговского, не считая кратковременных захватов его другими князьями/. Нового "митрополита" не признают во Владимиро-Суздальской Руси и Галицких землях.

В это же время разгорелась борьба этих двух князей за поддержку в Европе. Михаил Всеволодович отправляет Петра Акеровича к папе Иннокентию IV с докладом о монголо-татарах, с которым тот и выступил в Лионе 24 июня 1245 года /19.59/. А связь с западными государствами укрепляет браком сына Ростислава с Анной, дочерью венгерского короля Белы IV.

Видимо, в то же время и князь Даниил называет своего митрополита, а фактически, только кандидата в митрополиты, но поступает осторожнее противника: посылает кандидата на официальное утверждение к греческому патриарху Мануилу II только после получения разрешения на его поставление от Батыя.

Кто из них раньше выдвинул своего "митрополита" сказать трудно.

Михаил Черниговский мог это сделать в промежутке между 1241 и 1245 годами, то есть практически в то же время, что и Даниил Галицкий. Называя митрополитом Кирилла в "Летописце" под 1242 г. автор, возможно, хотел подчеркнуть его "старшинство", то есть его приоритет перед Петром Акеровичем, хотя о последнем тактично умалчивает.

В 1249 г. /2.5/ или 1250 г. /19.271/ Кирилл, утвержденный на Киевскую митрополию, возвращается на Русь.

Мы столько внимания уделили митрополиту Кириллу, что возникает вполне закономерный вопрос, как~ое же отношение он имеет к созданию "Летописца Даниила Галицкого"? Это тем более необходимо выяснить, поскольку и Д.С.Лихачев /11.50-52; 12.263-266; 13.86/, и В.Т.Пашуто /19.83,91/, и О.П.Лихачева /18.565/ предполагают его участие в создании жизнеописания Даниила Галицкого.

Для этого обратимся к тексту "Летописца", к тем его сообщениям, которые имеют непосредственное отношение к Кириллу.

В уже упоминаемой заметке о смещении Даниилом самовольно занявшего митрополичий престол Иоасафа ничего не говорится о новом кандидате в митрополиты. Скорее всего, в это время /т.е. в 1241 г./ он еще не был определен.

Впервые "Летописец" называет Кирилла митрополитом в описании событий весны 1242 года / по "Летописцу" - 1243 г./, когда Батый возвращался из похода в Европу. Это повествование тесно примыкает к предыдущему, в котором так же фигурирует Кирилл, но в качестве печатника, посланного князем Даниилом в Бакоту "исписать грабительства нечестивых бояр", что имело место осенью 1241 г..

Тождество Кирилла-печатника и Кирилла-митрополита не вызывало сомнения у историка русской церкви - Филарета /28.105-106/, но в этом сомневался другой историк - Е.Голубинский /2.4-5, прим.2/. В митрополите бывшего печатника видели и М.Д.Приселков /24.104/ и Д.С.Лихачев /11.50/. Однако эти мнения не были подтверждены должными

доказательствами.

Прежде всего, следует выяснить, кто такой "печатник" и круг его обязанностей.

Академик АН УССР И.П.Крипякевич пишет:"Эта должность неизвестна в других княжествах Руси, но распространена в Западной Европе... Печатник хранил княжескую печать, использовал ее в княжеских документах, так, как это делали западные канцлеры ... Печатник, очевидно, также составлял текст грамот или руководил его составлением"/7.128/. Например, в смоленской грамоте 1284 г., заверенной печатью, отмечено:"Моисеи княжь печатник Федоров печатал". По мнению Ю.А.Лимонова, "печатник, подобно дворецкому /"дворскому"/, чашнику, меченоше, постельничьему, входил в дружину и был дворянином, причем наиболее приближенным к князю /подчеркнуто мной - А.У./" /9.163/. Иначе говоря, описывая "грабительства нечестивых бояр", Кирилл выполнял свою прямую функцию печатника.

Наличие "европейской" должности в княжеском аппарате, как, впрочем, и коронация Даниила, может свидетельствовать об определенной ориентации Галицкого княжества на Западную Европу и Византию, с которой, уместно напомнить, была непосредственная граница по Дунаю, дружеские и родственные отношения. Мать Даниила Галицкого - княгиня Анна - была дочерью византийского императора Исаака II Ангела /10.369/, так-что порядки императорского дома Даниилу Галицкому хорошо были известны.

Канцлерами, или печатниками, в Византии были лица духовные /11.50/. Эта практика, видимо, утвердилась и на Руси. Во всяком случае, спустя столетие, печатником при Дмитрии Ивановиче Донском был его духовный отец - коломенский священник Митяй, кстати, рекомендованный князем в 1376 г. на пост митрополита. А уже в XV-XVI столетиях должность печатника прочно вошла в обиход Московского государства. Важно и то, что печатники не только прикладывали печать к документам,

но и возглавляли царский архив /30.152/. Не исключено, что княжеский архив Даниила Галицкого находился также в ведении печатника Кирилла. Во всяком случае, автор "Летописца" знал и использовал многие княжеские документы.

То, что печатник Кирилл был лицом духовным, в должной степени может свидетельствовать его поведение в Бакоте /отмечено еще Д.С.Лихачевым /II.50//.

Кирилл уже был в Бакоте, когда к городу подошел Ростислав Михайлович. Произошло их столкновение у ворот. Ростислав отступил, желая словом решить дело:"хотяше премолвити его словесы многыми"/21.791/. Но Кирилл достойно отвечал и, увидев, что не повлиял на черниговского княжича, вышел с пешими воинами. Ростислав, без военного столкновения, ушел прочь.

Отмеченная "Летописцем" заслуга Кирилла состоит в том, что он "мудростью и крепостью" /т.е. стойкостью и умом/ удержал Бакоту, но не военной силою. Кстати сказать, Кирилл был послан князем не только "исписати грабительства" бояр, но, прежде всего, "утешити землю". А утешали, как известно, не военные, а лица духовные. К тому же действия Кирилла в осажденном городе очень похожи на действия Владимирского епископа Митрофана, когда город был обложен татарами. "Летописец" об этом писал под 1237 г.

В случае с Кириллом нет, как в эпизодах с воеводами, прямого указания на участие Кирилла в битве. Более того, когда говорится о приходе Кирилла с войсками под Дядьков, осажденный князем Даниилом, подчеркивается как раз обратное. "Данилъ же возьма пленъ многъ ... поима грады ихъ: Деревичь ... Дядьковъ. Приде же Коурилъ печатникъ князя Данила со треми тысящами пешець и трьими сты коньникъ, и водасть имъ взяти Дядьковъ градъ" /21.792/. Из сказанного видно, что Дядьков брал сам князь Даниил, а Кирилл только дал возможность взять своему войску город и в руководстве войском при осаде не участвовал.

Взятие города выражалось соответствующей лексикой: "поима", "взя", "прия", "взяша", "приемшоу" и т.д. Например, "Данилъ же повеле пристоупити ко граду /Черторийску/ и взяша градъ ихъ" /21.752/.

Главным действующим лицом при взятии Дядькова остается князь Даниил, он "поима" город. О Кирилле упомянуто мимоходом, но из сказанного вполне ясно, что он не был воеводой. По-тому-то и любопытно, что "Летописец" указывает только численность того войска, которое привел Кирилл, но ни разу не указана численность воинов ни у кого из бояр, ни даже князей. Можно подумать, что тогдашний читатель, на которого ориентировался "Летописец", хорошо знал, у кого какое войско, и достаточно было назвать воевод, чтобы тем самым указать косвенно и на численность их воинов. Для Кирилла этот поход был не характерен, можно сказать, исключительным, а потому автор и не удержался и подчеркнул значительное количество пришедших с ним воинов. Или же, он специально хотел отметить численность Кириллового войска.

До завершающей первую редакцию "Летописца" повести о поездке Даниила в Орду Кирилл упоминается то как печатник /под 1241 г./, то как митрополит /под 1243 г./, а в ней теряется из виду вообще. Его нет в числе встречающих с Васильком Романовичем вернувшегося из Орды Даниила, хотя позднее, в 1252 г., в сходной ситуации Кирилл встречал возвратившегося из Орды с ярлыком на великое княжение Александра Невского. Не упомянут он и в свите Даниила Галицкого.

Впрочем, вспомним загадочную фразу "Летописца", подводящую итоги поездки Галицко-Волынского князя в Орду, о том, что поручена была "земля его емоу" и тому, кто был с ним. Этим инкогнито мог быть только Кирилл, недавно назначенный, точнее, названный русским митрополитом, которому наравне с князьями поручалась земля Русская. И судя по тому, что уже осенью 1246 г., то есть, вскоре после возвращения, Кирилл отправился на поставление в Никею, он получил на то разрешение ордынского правителя.

Этот вывод не противоречит имевшейся в то время и позднее практике, когда русские епископы и митрополиты отправлялись в Орду за подтверждением своих полномочий. Так, например, преемник Кирилла митрополит Максим "гречинъ", прибывший в 1283 году из Византии, с этой же целью немедленно отправился в Орду:"Того же лета ходиша во Орду къ царю пресвященный Максимъ, митрополитъ КІевскІй и всея РусІи, того же лета и прІиде изо Орды на Русь" /22.161/.

Есть еще одно доказательство, что Кирилл получал из рук Батыя такой документ.

Сохранился более поздний ярлык, полученный Кириллом из рук великого хана Монгольской империи Менгу-Темира в августе 1267 г. В нем имеется важное свидетельство, что и прежние ханы давали ему ярлыки, то есть, всего их было не менее двух. Имена ханов установить не сложно.

Обычно такой ярлык утверждался великим ханом в Каракоруме. Но в то время, когда за ярлыком поехал Даниил, в империи еще не избрали каана, а власть захватила, как мы уже писали выше, вдова Угедея - Туракина, впоследствии передавшая власть своему сыну. Батый, как старший в роду, не признавал их власти. Поэтому ярлыки некоторым русским князьям раздавал сам Батый и не утверждал их ни у Гуюка, ни у наследовавшей ему вдовы Огуль-Гамиш /1248-1251/. Не утверждал в Каракоруме ярлык на свое княжение и Даниил Галицкий.

Кирилл отсутствовал на Руси с конца 1246 г. до 1250 г. По возвращению никаких сношений с Ордой не имел. Это еще раз свидетельствует о том, что ни Гуюк, ни Огуль-Гамиш не могли утвердить или дать какой бы то ни было ему ярлык. Осталось всего два хана, которые могли дать Кириллу ярлыки до 1267 г.. Это - Менгу-Темир, занявший не без помощи Батыя в 1252 г. трон каана, и, видимо, давший в том же году второй ярлык Кириллу вместе с ярлыком на великое княжение Александра Невского /вспомним, что Кирилл встречал его по возвращении из Ор-

ды/, и сам Батый, к которому и ездил инкогнито Кирилл перед своим поставлением и получил первый ярлык.

В самом последнем исследовании Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам, проведенном А.И.Плигузовым и А.Л.Хорошкевич, ученые, на основании изученных сохранившихся более поздних ярлыков, начиная с ярлыка Менгу-Темира/Менгу-Тимура/ от 10 августа 1267 г., приходят к выводу, что "нарративная /повествовательная - А.У./ часть сохранившихся ярлыков содержит ... сведения о ... двух по крайней мере ярлыках предшествовавших Менгу-Тимуровому", первый из которых принадлежал Бату /Батыю//23.119/. Тем самым, выводы А.И.Плигузова и А.Л.Хорошкевич совпадают с нашими.

То обстоятельство, что имя Кирилла не упомянуто в повести, свидетельствует об отстаивании автором этой повести интересов Кирилла. Его имя, как имя русского митрополита, пусть пока только и названного, не могло фигурировать рядом с именем галицкого князя, кланяющегося Батыю, пьющего татарский кумыс, поддающегося "кудесествам" язычников. Это было бы святотатством, преданием веры христианской. А за нее, ведь, чуть позже пострадали князь Михаил Черниговский и его боярин Федор.

По возвращении Даниила из Орды пришли к нему сваты от венгерского короля Белы. Но галицкие князья, поразмыслив, отправили их обратно ни с чем, не поверив обещаниям Белы, поскольку ранее он не сдержал их. А вслед за послами отправился в Никею через Венгрию Кирилл. Здесь его и уговорил Бела вернуться на Русь, выпросить согласия Даниила на брак его сына Льва с венгерской королевной. Кирилл обещал поспособствовать этому союзу, вернулся домой, уговорил Даниила, причем "Летописец" приводит слова Кирилла, и уже втроем они снова поехали в Венгрию, где и состоялся брак. Даниил вернулся в свою землю, "Летописец" говорит только о его возвращении. Стало быть, Кирилл отправился, как того и хотел, в Никею. Стало быть, заключительная

часть и вся первая редакция "Летописца" заканчивается сообщением об отъезде Кирилла на поставление в Никею. После этого наступил шестнадцатилетний перерыв в описании жизни и деятельности Даниила Романовича Галицкого.

Поскольку "Летописец" дописывался уже в 60-е годы, то напрашивается вывод, что с отъездом Кирилла в Галицком княжестве не осталось автора жизнеописания. Об этом же свидетельствует еще одно очень важное обстоятельство - создание в начале 60-х годов в Северо-Восточной Руси "Жития Александра Невского", настолько близкого авторской манерой изложения к "Летописцу", что дает возможность говорить об одном авторе этих двух произведений.

Как известно, после возвращения в I250 г. из Никеи, то есть после поставления в митрополиты, Кирилл уже не заезжал в Галицкую Русь, а пробыв непродолжительное время в Киеве, уехал во Владимиро-Суздальское княжество к Александру Ярославичу Невскому /2.6; I9.27I; II.5I/, очень похожему своими деяниями на молодого Даниила Романовича. Ему так же пришлось бороться за княжеский престол с боярством - новгородским и псковским, отражать нашествие западных соседей - шведских и немецких рыцарей, трижды ездить в Сарай, в ханскую ставку, за ярлыками на княжение и даже противостоять стремлению папы ввести католическое вероисповедание в северо-русских землях.

Даже перечисленные события из жизни Александра Ярославича свидетельствуют о близости жизненных судеб двух древнерусских князей. В I250 г. митрополит Кирилл был уже в Суздальской земле и венчал брата Александра - великого /тогда/ князя Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого. В I252 г. благословил Невского на поездку в Орду к Батыю за ярлыком на великое княжение, торжественно встречал его по возвращению, служил во Владимирском соборе литургию по случаю занятия Александром Ярославичем великокняжеского престола. И, наконец, самолично отпевал его в I262 году.

По смерти Владимиро-Суздальского князя было написано его "Житие". Еще В.О.Ключевский - один из крупнейших знатоков житийной литературы - назвал "Житие Александра Невского" "исключительным, своеобразным опытом жития, не повторившимся в агиобиографии"/6.67/. А другой исследователь княжеских житий Н.Серебрянский видел в его основе особую светскую повесть о "мужестве" Александра Ярославича /25.200/, но не привел ей аналогий.

Аналогия существует только одна - жизнеописание Даниила Романовича Галицкого, но тогда на "Летописец" смотрели как на летопись и никаких параллелей и сравнений не проводили.

Впервые их сопоставил Д.С.Лихачев, доказав при этом, что оба памятника относятся к жанру княжеских жизнеописаний /I2.250,258/.

Для нас очень важны наблюдения и выводы ученого относительно значительной близости этих двух произведений, изложенные в статье "Галицкая литературная традиция в "Житии Александра Невского" /II/.

Роднит оба произведения общая тема - жизнеописание великих князей Александра Ярославича и Даниила Романовича. Как одно, так и другое не содержит летописной сети годов. Сходны литературные приемы в раскрытии той или иной частной темы, скажем, подчеркивание незавидного положения князей, унижающего их достоинство во время пребывания в Орде, напоминанием о былом могуществе и чести их отцов. Роман Мстиславич упомянут в I250 г. при описании поездки Даниила в Орду:"...его же отець в Роускои земли, иже покори Половецькоую землю и воева на иные страны все. Сынъ того не прия чести" /2I.808/.

В аналогичной ситуации - во время пребывания Александра в Орде - упомянут его отец Ярослав:"... якоже бо по первемь велицемь взятьи Тотарьстемь отець его великии князь Ярославъ ... самъ себе не пощаде, предасть бо ся самъ за люди своя ... и много пострадавъ за землю отьчины своея... Тако же и сынъ Александръ не остави пути отца своего за люди своя ..." /I5.I3/.

Кроме того в обоих памятниках содержатся сходные замечания о распространении молвы об удачных поездках и походах князей. В "Летописце" о возвращении Даниила из Орды говорится:"Бысть же ведомо странамъ приходъ его всимъ ис татаръ" /21.808-809/. В "Житии" после похода Александра Невского на Псков:"И нача слыти имя его по всемь странамъ" /18.434/.

Д.С.Лихачев устанавливает и сходство стилей двух произведений "в манере описывать военные действия, битвы, подвиги князя. "Краль части Римскиа" в житии Александра идет на него, собрав "силу велику" и наполнив корабли полками, "и поиде в силе велице, пыхая духом ратным. И преиде реку Неву, шатаяся безумием, посла послы разгордевся ко князю Александру Ярославичю в Новъгород в Великии и рече: Аще можеши ми противитися, уже есмь зде, попленю землю твою". Ср. в Галицкой летописи выступление венгерского короля против Даниила:"Изыде же Бела рикс, рекъмый король Угорьский, в силе тяжьце, рекшю ему: яко не имать остатися град Галичь, несть кто избавляя и от руку моею"." /11.45/.

Оба памятника тяготеют к точным датам, числам, перечислении имен. /11.46-47/. Любят употреблять одни и те же словосочетания:"милый сын", "остры мечю", "острым копием"; тавтологические сочетания:"победою победи", "многом множьством" /"Летописец"/; "укори укором", "побеждая непобедим" /"Житие"/.

Д.С.Лихачев проводит достаточное число примеров на употребление подобных словесных оборотов /11.44-49; 12.258-262/.

Кроме того, оба произведения роднит не только стиль, но и знакомство с одним и тем же южнорусским летописным источником и повестью о Девгении Акрите в южнорусском переводе /11.36-44/.

При всей важности замеченных Д.С.Лихачевым параллелей двух произведений, они позволяют ученому придти только к общему выводу относительно единой литературной манеры двух жизнеописаний - галицкой по

своему происхождению, а, стало быть, едином для обоих произведений авторе, но не помогают его установить.

В статье "Галицкая литературная традиция ..." Д.С.Лихачев связывает появление "Жития Александра Невского" с именем Кирилла, полагая, что княжеское жизнеописание создано по заказу митрополита /II.52/. Однако в позднейших работах, в частности, во вступительной статье к третьему выпуску "Памятников литературы Древней Руси", в котором публикуется Галицко-Волынская летопись, он пишет:"Светское "Жизнеописание Даниила Галицкого" послужило образцом для церковного "Жития Александра Невского" ... "Житие ..." было, по-видимому, составлено в том же кругу книжников, ибо "печатник" Даниила - Кирилл - стал митрополитом Кириллом, переехавшим на северо-восток и помогавшим Александру. Он сам, этот Кирилл, или кто-то из его окружения составил оба жизнеописания - и Даниила, и Александра /подчеркнуто мной - А.У./. В этом убеждает множество стилизованных и лексических совпадений" /I8.2I./, и ссылается при этом на свою статью "Галицкая литературная традиция...". Чем вызваны такие перемены во взгляде на вопрос - остается неизвестным. Не обоснованы они и в самой поздней монографии "Великий путь", почти-что дословно повторяющей упомянутую вступительную статью /I3.86/.

Очевидно, что это уже окончательный вывод ученого, заключающий серию его исследований по данной проблеме. Однако, Д.С.Лихачев.. никак не объяснил, как могло случиться, что жизнеописание Даниила, которое, по мнению ученого "прервалось до его /Даниила - А.У./ смерти в I264 году - где-то около I255-56 годов" /I8.20/ и составлялось в Холме, может принадлежать перу Кирилла, уже пять или шесть лет находящемуся в Суздальской земле?

Подобное противоречие невозможно объяснить простой оплошностью ученого, ведь обоснование этих двух положений - времени написания "Летописца" и причастность к нему Кирилла - приводятся в [illegible]

крупнейших по этой теме работах /II;I2/. Несомненно, здесь сказалось некритическое отношение к исследованию Л.В.Черепнина, рассчеты которого принял Д.С.Лихачев, не проверив.

В то же время сама гипотеза строится на конструктивном основании: обращено внимание на галицкое происхождение Кирилла и его пребывание в Суздальской земле именно тогда, когда там было написано "Житие Александра Невского".

Однако, конкретно причастность Кирилла к произведениям не определена, поэтому к выводу Д.С.Лихачева об авторстве Кирилла пока можно относиться только как к предположению.

Наиболее ценными остаются наблюдения Д.С.Лихачева над сходством стилей двух произведений, давшее возможность поставить вопрос об их одном авторе. Причем сопоставительный ряд можно продолжить.

Оба автора строят повествование следуя основным жизненным вехам героев, опираясь при этом как на собственные наблюдения, так и на воспоминания и рассказы участников событий и князей. Для "Летописца" такие примеры приведены В.Т.Пашуто /I9.68-92/, для "Жития" укажем сами:"Сиже вся слышах от господина своего ... Олександра и от инехъ, иже в то время обретошася и в той сечи"/I8.430/. Или в другом месте: "Се же слышах от самовидца, и же рече ми ..."/I8.434/.

Важно отметить, что в обоих памятниках одинаково использован заимствованный материал: в значительной степени он приходится на ранние периоды жизни князей. В "Летописце" - до середины 20-х годов, на тот период, который автор не мог знать по своему возрасту; а в "Житии" - до начала I250-х годов. Последнее обстоятельство для нас особенно важно. Ведь если события в "Житии Александра Невского" до 50-х годов передаются со ссылкой на свидетелей в авторском пересказе, а после I250 года уже в изложении очевидца, то, следовательно, автор появился в окружении Александра Невского после I250 года. Да и он сам говорит об этом в начале своего труда:"Азъ худый и многогрешный,

...покушаюся писати житие святаго князя Александра, сына Ярославля ... понеже слышах от отець своихъ и самовидець есмь възраста его, радъ бых исповедалъ святое и честное и славное житие его" /18.426/. Следовательно, автор не был свидетелем детских лет Александра, а стал очевидцем зрелых лет его жизни, судя по собственному его сочинению, с тридцатилетнего возраста /Александр Ярославич родился в 1220 году/.

Примечательно еще одно замечание автора в приведенной выше цитате, где он говорит, что рассказы об Александре Невском "слышах от отець своихъ". Здесь, конечно же, имеются в виду отцы духовные - священники. Подобное выражение было в обиходе русской православной церкви. Его употребил и митрополит Иларион в "Слове о Законе и Благодати" в обращении к Ярославу Мудрому:"Ты же съ новыими отци нашими епископы снимаяся часто"/17.73/. Сохранилось выражение и в XVI в.:"... древле бывшая знамения и чудеса отцемъ Кирилломъ списана прежними отцы" /5.320/.

Но кто мог назвать духовных отцов "своими", кроме высшего церковного иерарха и князя? Поскольку князь в данном случае не в счет, остается митрополит Кирилл.

Следовательно, авторские слова в начале "Жития Александра Невского", скорее всего, принадлежат митрополиту Кириллу, впрочем, как и все произведение в целом: поскольку приехал во Владимиро-Суздальскую Русь он только в 1250 году, то не мог наблюдать детских лет Александра Ярославича, о чем сам и засвидетельствовал.

Пока это предварительный вывод. Он не противоречит заключению Д.С.Лихачева об едином авторе "Летописца" и "Жития", но требует одно важное уточнение: не всего "Летописца", а только его первой редакции, законченной в начале 1247 года /по "Летописцу" - 1250 г./.

При сопоставлении стилей двух княжеских жизнеописаний Д.С.Ли-

хачев приводит примеры, которые хронологически не выходят за 1250 г., то есть той части "Летописца", которая соответствует выделенной нами его первой редакции. Исключение составляют две параллели из последнего абзаца статьи под 1252 г. /Д.С.Лихачев ошибочно отнес концовку повествования о походе Даниила и Василька на ятвягов к 1251 г., и поэтому развел два примера по 1251 и 1252 годам, на самом же деле они стоят рядом и принадлежат концовке статьи под 1252 г./ к "Слову о погибели земли Русской" и "Житию Александра Невского" об устрашении половецкими матерями своих детей походом русских князей.

Поскольку эта часть "Летописца" была написана уже после смерти Даниила Галицкого,то есть после 1264 г., и, стало быть, после написания и "Слова о погибели", и "Жития Александра Невского", то здесь речь может идти уже об обратном влиянии этих двух сочинений на вторую редакцию "Летописца", тем более, что имеется и другая параллель между "Житием Александра Невского" и уже Холмской летописью под 1288 г. /II.48/. Следовательно, и по исследованию Д.С.Лихачева, роднит "Летописец" с "Житием Александра Невского" первая редакция "Летописца". А это может служит веским доводом в доказательстве принадлежности первой редакции "Летописца" и "Жития Александра Невского" перу одного автора, не исключено - Кирилла.

Стало быть, действительно, с отъездом Кирилла из Галицкого княжества в нем не осталось автора "Летописца" и именно этим отъездом вызван шестнадцатилетний перерыв в работе над ним. И если в "Житии Александра Невского" имеются косвенные указания на причастность к нему Кирилла, то они могут быть, если оба произведения принадлежат перу одного автора, и в "Летописце".

Вернемся к его тексту и более внимательно изучим тот отрезок, в котором неоднократно упоминается Кирилл. Начнем с подробного рассмотрения хронологии рассказа о войне Черниговского князя Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава с Даниилом и Васильком Романо-

вичами. В нем-то и упоминается печатник Кирилл, направленный Даниилом Галицким в Бакоту, захваченную Ростиславом. Эти события произошли в конце I24I года. Уйдя из-под Бакоты, уступив ее Кириллу, Ростислав пошел на Галич, поскольку Даниил находился со своим войском в Балаховской земле. Узнав об этом, Даниил и Василько собрали войско и выступили на Ростислава. Это уже было в начале I242 года, по весне /I.42-44/. Ростислав бежал и наткнулся на возвращающихся из похода в Европу татар. Они окончательно растрепали его войско, и Ростислав удалился в Венгрию.

Даниил Романович, узнав о том, не стал преследовать Ростислава, но отправился навести порядок в Галицкой земле, в частности, в Бакоте и Калиусе, и вернулся в Холм. Василько поехал во Владимир.

Все это - события весны I242 года.

В Холм к Даниилу пришла новая весть о татарах:"Данилоу же боудоущоу во Холме, прибеже к немоу Половчинъ его именемъ Актаи, рекыи, яко Батыи воротилъся есть изо Оугоръ и отрядил есть на тя два богатыря возискати тебе:Маньмана и Балаа. Данилъ же затворивъ Холмъ еха ко братоу си Василкови, поима с собою Коурила митрополита."/21.794/. Происходило это в конце весны I242 года.

Обращает на себя внимание, что между поездкой Кирилла-печатника в Бакоту и сообщением о Кирилле-митрополите прошло очень мало времени - несколько месяцев: с конца I24I - начала I242 г. по конец весны I242 г.

Следующие сообщения "Летописца" касаются уже событий I244 года. Они повествуют о неудачной поездке Михаила Черниговского в I244 г. в Венгрию, где "король же Оугорьскыи и сынъ его Ростиславъ чести емоу не створиста" /21.795/. Он возвращается в Чернигов и спустя время отправляется к Батыю, где и погибает мученической смертью 20.IX.I246 г.

Что же касается Даниила и Василька Романовичей, то автор сообщает о двух походах братьев зимой 1244 г. на польского князя Болеслава, предпринятых из Владимира. А уже о третьем походе 1244 года на Люблин сообщается, что князья отправились из Холма.

В дальнейшем, то есть после 1244 г., Холм постоянно находится в поле зрения автора, будь то описание войны с Литвой, или Ростиславом, или иное какое-либо сообщение. Стало быть, в довольно цельном освещении событий 1238-1246 годов отсутствуют известия из Холма со второй половины 1242 г. до 1244 г. Их заменяют владимирские. Это наводит на мысль, что во время отсутствия Даниила в Холме со второй половины 1242 года по 1244 год сведения для его жизнеописания в Холме не регистрировались, но регистрировались во Владимире. То есть, автор жизнеописания Даниила покинул Холм вместе с князем, в противном случае Холм, как столица Галицкого княжества, не выпал бы из-под его внимания, это не в практике "Летописца". Но как свидетельствует "Летописец", князь Даниил покинул весной 1242 г. Холм вместе с названным митрополитом Кириллом.

Таким образом получается, что когда Кирилл на полтора года выехал из Холма во Владимир, в "Летописец" попали только владимирские сведения, и красноречиво отсутствуют холмские. На память приходит отъезд Кирилла из Галицкой земли, который совпал с прекращением работы над "Летописцем". Случайны ли эти совпадения?

Конечно же, можно предположить, что рассказы о двух походах из Владимира автор мог услышать и от самого Даниила Романовича, и в таком случае нельзя считать поездку Кирилла с Даниилом во Владимир, как свидетельство причастности Кирилла к составлению "Летописца". Однако это предположение кажется менее основательным. Ведь если посмотреть на описание взаимоотношений галицких и черниговских князей в начале 40-х годов, то значительное место в них занимает рассказ о поездке печатника Кирилла в Бакоту, с указанием подробностей,

позволяющих видеть в авторе очевидца: противники неожиданно сталкиваются у ворот города, Ростислав "отстоупився, хотяше премолвити ... словесы" Кирилла, "Коурилъ же отвеща емоу", далее приводятся слова печатника, но увидев, что Ростислав "не послоуша его", Кирилл "изииде" на него "со пешци". Последнее уточнение, что Кирилл вышел с пешими воинами, хотя у него было и триста конных воинов, о чем, кстати, сообщается далее, свидетельствует о хорошем знании автором обстоятельств экспедиции Кирилла в Бакоту. /21.791-792/

Параллельное упоминание действий Данилла - это стремление восстановить правдивое течение событий, но повествование не имеет подробностей, тяготеет к общим формулировкам:"...Данилъ...оустремися на не, грады ихъ огневи предасть..." Названия этих городов, однако, не приводятся, что вообще-то не характерно для "Летописца", и, говоря далее о пленении Даниилом ряда городов, автор перечисляет их, а последним в их ряду назван Дядьков, и сразу же сообщается о приходе к нему Кирилла и точное число воинов с ним и т.д., и опять появляются подробности /21.792/.

В таком случае получается, что автор-очевидец находился там, где был Кирилл, и повествование о Кирилле заметно доминирует над повествованием /в то время/ о князе Данииле. Важно отметить, что в этом большом повествовании нет и холмских известий, то есть, в отсутствие Кирилла записи в Холме не велись.

Существенна и еще одна деталь из этого рассказа. Кирилл в прениях с Ростиславом под Бакотой чуть ли не дословно повторяет авторский текст "Летописца" под 1238 годом:"Се ли твори возмездье оуема своима воз добродеанье! Не помниши ли ся, яко король Оугорьскии изгналъ тя бе и земле сь отцьмь ти? Како тя восприаста огосподина моя, оуя твоя, отча ти во величи чести держаста, и Киевъ обечаста, тобе Лоуческъ вдаста, и матерь твою и сестроу свою изъ Ярославлю роукоу изъяста и отчю ти вдаста"/21.791/. Сравним эти слова Кирил-

ла с авторским текстом под 1238 годом:"Король /венгерский - А.У./ же не вдасть девкы своеи Ростиславоу и погна прочь... Данилъ же и Василко не помяноуста зла, вьдаста емоу сестроу и приведоста его из Ляховъ ... обеща емоу Киевъ Михаилови, а сынови его Ростиславоу вдасть Лоуческъ" /21.783/.

Не свидетельствует ли близость приведенных отрывков, что написаны они одним лицом - Кириллом?

Исследования владимиро-суздальского летописания XIII века привели Ю.А.Лимонова к выводу, что составитель Владимирской великокняжеской летописи 1252 года /личного свода Александра Ярославича/ использовал южно-русский источник, доведенный до 1246 года /включительно/, и заканчивающийся сообщением о гибели Михаила Черниговского. В него входили известия о княжении Мстислава Удалого в Галиче, о войне Михайла Черниговского с Даниилом Галицким и т.д., но отсутствовали сообщения о галицких событиях конца 40-50 годов /8.167-173/, то есть, судя по хронологическим рамкам и описываемым событиям, его состав соответствовал первой редакции "Летописца".

Владимирская летопись велась до 1276 года, но с конца 40-х годов уже не содержала известий по истории Галицкой Руси. В то же время ее исследователи - М.Д.Приселков /24.104/, Ю.А.Лимонов /8.169-170/, Л.Л.Муравьева /16.72/ - отмечают близость летописи к митрополиту Кириллу.

Для нас важны следующие обстоятельства:

1. Во Владимире велось летописание, и летописцы были близки к Кириллу. Не исключено, что летопись составлялась при епископской кафедре /она была восстановлена Кириллом в 1274 г./ и митрополит руководил ее созданием /16.72/.

2. Использование летописцами южно-русского источника, заканчивающегося 1246 годом и идентичного по содержанию "Летописцу" - подтверждает правильность нашей датировки первой редакции "Летописца".

Подведем итог сказанному.

Первая редакция "Летописца" была написана во второй половине 1246 - начале 1247 года, после возвращения Даниила Романовича Галицкого и его печатника Кирилла, избранного митрополитом, из поездки в Орду к Батыю за ярлыками на княжение и митрополию.

Работа над ней велась в Холме.

Ряд косвенных данных свидетельствует о причастности Кирилла к ее созданию.

Кирилл был печатником Даниила Галицкого, ведал княжей печатью и архивом, а "Летописец" сохранил многочисленные следы использования документов /19.72,73,79,91/. Он вел записи по борьбе Даниила с боярством и вполне мог взяться за жизнеописание Галицкого князя.

В одном из рассказов слова автора "Летописца" текстологически очень близки словам Кирилла, сказанным Ростиславу Михайловичу под Бакотой, что дает возможность предположить в авторе Кирилла.

В рассказе о поездке Даниила и Кирилла к Батыю в Орду соблюдено инкогнито Кирилла, в чем был очень заинтересован именно Кирилл.

Работа над "Летописцем" прерывается в конце 1246 - начале 1247 годов с отъездом Кирилла из Галицкой Руси и продолжается спустя, как минимум, шестнадцать лет.

В 1250 году Кирилл переезжает после поставления в Никее в митрополиты в Северо-Восточную Русь к Александру Невскому. А владимирский летописец, работая над великокняжеской летописью, использовал в начале 50-х годов южно-русский источник, заканчивающийся 1246 годом. То есть, Кирилл взял с собою именно свой труд, точнее сказать, один из экземпляров, поскольку другой остался у Даниила Галицкого. Если бы автором первой редакции "Летописца" был другой человек, то, несомненно, продолжил бы свою работу и в отсутствие Кирилла в Галицкой земле, хотя бы в те три года, когда тот ездил на поставление в Никею.

По смерти Александра Невского создается его "Житие", очень близ-

кое своей литературной манерой "Летописцу". Его автор был приезжим в Суздальской Руси, причем появился там после 1250 г., что соответствует времени появления там Кирилла, который и мог быть носителем галицких литературных традиций.

"Своими отцами" духовенство в "Житии" мог назвать только автор-митрополит.

Предложенная нами атрибуция авторства первой редакции "Летописца" и "Жития Александра Невского" Кириллу и отождествление печатника Кирилла и митрополита Кирилла не согласуется с замечанием Е.Голубинского о том, что "печатник Кирилл представляется нам как человек военный почти одновременно с тем, как избран митрополитом"/2.5/, и на этом основании не может быть признан одним лицом, равно как и с отмеченным церковным историком хорошим знанием военного дела автором "Летописца".

Однако, это противоречие кажущееся. Во-первых, как мы уже отметили выше, "военная деятельность" печатника Кирилла ограничивалась его присутствием при взятии Дядькова, а не руководством осадой, что было бы вполне естественным в том случае, если бы он был воеводой. Но, несомненно, войска ему подчинялись, поскольку он "водасть" им взять город. И это общее руководство войском было, видимо, не случайным, и Кирилл действительно хорошо знал ратное дело.

Выше мы уже говорили о значительной ориентации галицких князей в обустройстве своего княжества на Европу, что и закономерно, поскольку и польские, и венгерские и византийские государи состояли в родственных отношениях с домом Романа Мстиславича Галицкого. Отсюда - заимствование должности печатника /канцлера/, принятие королевской короны и титула короля и т.д.

В связи с этим необходимо напомнить, что в Западной Европе была в практике смена меча на крест. Так, шурин венгерского короля Андрея II, Бертольд был баном, воеводой, стал архиепископом, а в 1218г.

даже аквилейским патриархом /I.19/. В традиции польских епископов было участие в военных походах. На это обратил внимание Феодосий Печерский в послании Киевскому князю Изяславу:"... а пискупи их... на войну ходят"/II.I7I/. Подобная практика, однако, существовала и в Древней Руси. В поход брал священника Борис, идя на половцев в IOI5 г. /I8.I.284/. К этому ряду можно отнести и поход Кирилла с войском в Бакоту.

Анализ же описания поездки Даниила Романовича в Орду свидетельствует, что автор, хотя и хорошо знал военное дело, но был, скорее всего, человеком духовным. Поскольку одновременное участие двух авторов в работе над первой редакцией "Летописца" исключается /тогда бы не было шестнадцатилетнего перерыва в работе над ним/, значит эти "противоречия" должны быть присущи одному человеку. Как раз в лице Кирилла мы и можем видеть его, так как вначале светская деятельность печатника, а затем духовное подвижничество митрополита, снимают эти противоречия.

В "Текстологии" Д.С.Лихачев заметил, что при атрибуции авторского текста очень важно многобразие данных, подтверждающих авторство. Чем больше их и чем они разноплановей, тем, в совокупности, дают наиболее верный результат /I4.337-344/.

Если это положение верно, то по совокупности разноплановых данных автором первой редакции "Летописца" можно считать печатника, а впоследствиии митрополита, Кирилла.

Попытаемся опровергнуть этот вывод.

В "Летописце" Кирилл /если он автор/ говорит о себе в третьем лице. В "Житии Александра Невского" - и в первом, и в трьетьем. Возможно ли такое? Аналогии мне не известны. Правда, заканчивая работу над "Повестью временных лет" игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр отметил:"Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книги си , Летописецъ, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володи-

мере княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила..."/18.I.276/.

Если в завершающей надписи возможно грамматическое сочетание третьего и первого лица, то почему оно не возможно в самом тексте?

Ежели предположить, что автором первой редакции "Летописца" был не митрополит Кирилл, тогда нужно признать, что автор был человеком очень близким Кириллу, и, скорее всего, его подчиненным. Иначе нельзя объяснить ни умалчание имени Кирилла при описании поездки Даниила в Орду, ни подробное изложение поездки Кирилла в Бакоту. Но в таком случае нужно признать, что Кирилл постоянно брал его с собой и на поставление в Никею, и в Северо-Восточную Русь, и даже покидая Холм, и что тот был в здравии после работы над "Летописцем" еще минимум шестнадцать лет, поскольку после 1262 года создал жизнеописание Александра Невского. Конечно, могло быть и так, но доказательств этому у нас нет.

И как объяснить, исходя из положения, что автор - близкое Кириллу лицо, его выражение в "Житии Александра Невского" "понеже слышах от отець своихъ" - понятное только в устах митрополита? И как объяснить в "Летописце" близость именно словам Кирилла, сказанным Ростиславу, слов автора, намного их предвосхитивших, а не повторивших?

При сопоставлении всех "за" авторство Кирилла и всех "против", некоторый перевес имеют "за". Не исключено, конечно, что в дальнейшем выявится контраргумент, который сможет поставить под сомнение авторство Кирилла. Но, как бы там ни было, уже сейчас, думается, есть все основания назвать первую редакцию "Летописца" Кирилловой, уже хотя бы потому, что она отражала не в последнюю очередь его интересы, да и написана была не без его участия.

[1] Галицько-Волинський літопис // Жовтень. 1982. № 7.

[2] Голубинский Е. Митрополит всея России Кирилл III /первый после нашествия монголов/. - Сергиев Посад, 1894.

[3] Древнерусские летописи. - М., 1936.

[4] Жданов И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. - СПб., 1895.

[5] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. - М., 1871.

[6] В.О.Ключевский, биографический очерк, речи и пр. - М., 1914.

[7] Крип'якевич І.П. Галицько-Волинське князівство. - К., 1984.

[8] Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. - Л., 1967.

[9] Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. - Л., 1987.

[10] Літопис Руський. - К., 1989.

[11] Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского// ТОДРЛ. - М.; Л., 1947.Т.5.

[12] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

[13] Лихачев Д.С. Великий путь. - М., 1987.

[14] Лихачев Д.С. Текстология. - Л., 1983.

[15] Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913.

[16] Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII - начала XV века. - М., 1983.

[17] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. - СПб., 1894. Вып. I.

18 Памятники литературы Древней Руси. XI-начало XП века. Вып. I.- М., 1978; XШ век. Вып. 3.- М., 1981.

19 Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950.

20 Пашуто В.Т. Александр Невский. - М., 1974.

21 ПСРЛ. - СПб., 1908. Т.2: Ипатьевская летопись. Указываются столбцы.

22 ПСРЛ. - М., 1965. Т.10: Патриаршая или Никоновская летопись. Указываются страницы.

23 Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XШ - XУ веках /по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам/.//Вопросы научного атеизма. - М., 1988.

24 Приселков М.Д. История русского летописания XI-XУ веков. - Л., 1940.

25 Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития/Обзор редакций и тексты/. М., 1915.

26 Словарь русского языка XI-XУП вв. Вып. 2. - М., 1975; Вып.6 - М., 1979.

27 Ужанков А.Н. "Летописец Даниила Галицкого": редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник I. XI-XУI века. - М., 1989.

28 [Филарет] История Русской церкви. Период второй, монгольский, от опустошения России до разделения митрополии. - М.,1848.

29 Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12.

30 Шмидт С.О. Российское государство в середине XУI столетия. - М., 1984.